

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1345-1355
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1345

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France at the end of the XIXth century

Nikolay A. Vlasov ^{a, *}, Andrey V. Bodrov ^a, Nina E. Adamova ^a, Olga V. Smirnova ^a

^aSaint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The reconstruction of the image of Russian Pan-Slavism in Western European countries at the end of the 19th century is of no small importance, since it brings us closer to understanding the perception of Russia and Russian politics by the great European powers. The article offers a comparative analysis of the image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France, the purpose of which is to identify common features and differences that allow us to establish the presence or absence of a correlation between the nature of this image in a particular country and the trajectory of its relations with Russia during the period under review. The analysis is based on a wide range of sources: diaries and correspondence of representatives of the political, diplomatic and military elite, materials of parliamentary debates, newspaper and magazine journalism, fiction and journalistic literature.

The main common feature of the perception of the image of Russian Pan-Slavism in Germany, Great Britain and France was a negative attitude towards the ultimate goals of this movement, which could lead to a “big war” in Europe, regardless of whether it was interpreted as a plausible cover for the expansion of the Russian Empire, as an irrational public demand “from below” or the intrigues of a small “party”. However, while in Germany the term Pan-Slavism acquired an increasingly broad sense of a label to designate Germany's opponents in Russia, in France, on the contrary, the previously quite unambiguous image of Russian Pan-Slavism fragmented, being replaced by new neutral or even positive interpretations. The evolution of the image correlated with the dynamics of relations between the great powers: the degradation of Russian-German relations, the increasingly close nature of Russian-French ties, as well as the stability of Russian-British rivalry within the framework of the Great Game. In all three countries, interest and attention to the phenomenon of Pan-Slavism had almost disappeared by the end of the 1880s.

Keywords: Pan-Slavism, image of Russia, XIX century international relations, national stereotypes.

1. Введение

Проблема взаимного восприятия в международных отношениях является остроактуальной. Национальные образы и стереотипы не только определяют долгосрочные представления народов друг о друге, но и оказывают большое влияние на внешнюю политику государств. Это становится особенно заметным в переломные моменты истории международных отношений, такие, как последняя четверть XIX века, когда в Европе начали складываться два противостоящих друг другу военно-политических блока. Российская империя являлась активной участницей этого процесса, в начале 1890-х годов окончательно отказавшись от традиционного альянса с Берлином и вступив в союз с Францией, направленный против Германии и, в меньшей степени, Великобритании.

Разумеется, принимавшиеся в Петербурге решения во многом зависели от политики трех названных великих держав, которая, в свою очередь, определялась в значительной степени представлениями о России, существовавшей у политических элит и в обществах этих стран.

* Corresponding author

E-mail addresses: n.vlasov@spbu.ru (N.A. Vlasov)

Реконструкция и сравнительный анализ данных представлений является важной исследовательской задачей, которая по сегодняшний день не может считаться решенной. Предварительный анализ источников свидетельствует о том, что важной составляющей представлений о России в Западной Европе конца XIX века являлся образ российского панславизма. От того, как воспринимался панславизм, и какая роль ему отводилась, во многом зависело восприятие Российской империи в целом.

Таким образом, целью представленного исследования является реконструкция образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции последней четверти XIX века, включая выявление общих черт и различий между тремя указанными странами. Это позволит сделать вывод о наличии или отсутствии корреляции между характером данного образа в конкретной стране и траекторией ее отношений с Россией в рассматриваемый период.

2. Материалы и методы

Поскольку в рамках настоящего исследования речь идет о представлениях не только политической элиты, но и общества в целом (в конечном счете, политики тоже являются частью общества), к решению поставленной задачи привлекается широкий круг источников, которые можно разделить на следующие категории:

- Документы, представляющие взгляды представителей политико-дипломатической и военной элиты: дневники, личная переписка, служебная корреспонденция;
- Материалы парламентских дебатов, отражающие позицию различных политических партий;
- средства массовой информации, включая как ежедневные газеты, так и журналы для широкой читательской аудитории;
- Художественная и публицистическая литература, включая политические памфлеты, рассказы о путешествиях и т.п.

В связи с большим объемом текстов в ходе исследования, помимо историко-сравнительного метода и методов исторической имагологии, применялся качественный контент-анализ (Schreier, 2012). Контент-анализ позволил не только выявить особенности содержания образа панславизма в документах, но и определить закономерности функционирования и эволюции этого образа в рамках рассматриваемого периода. В ряде случаев использовалась методология «обоснованной теории», позволяющая на основе анализа текстов сформулировать теоретическое описание изучаемого феномена (Власов, 2024).

3. Обсуждение

Образ российского панславизма как таковой еще не становился объектом самостоятельного исследования. К числу исключений относится ряд публикаций, принадлежащих авторам данной статьи (Адамова, 2023; Власов, 2023). Тем не менее, существует некоторое количество работ, в которых образ панславизма упоминается как составляющая представлений о России в целом.

Образу Российской империи в Германии конца XIX в. посвящено лишь небольшое число исследований. Среди наиболее значимых публикаций следует назвать работы М. Ламмих (Lammich, 1978), Л. Копелева (Kopelew, 2000) и Х.Х. Шредера (Schröder, 2010). Существуют также исследования, посвященные образу России у отдельных государственных и общественных деятелей или в отдельных германских средствах массовой информации (Vlasov, 2020). Тем не менее ни в одной из этих работ не проводится анализ образа российского панславизма как важной составляющей образа России в целом.

Аналогичная ситуация существует и применительно к изучению представлений о России в Великобритании соответствующего периода. Образ панславизма как таковой остается в историографии «белым пятном». Этот вопрос лишь частично освещен в монографии Х. Кона (Kohn, 1960). Представлениям британцев о России посвящено сравнительно небольшое число исследований, среди которых следует особо отметить монографии А.Н. Зашихина (Зашихин, 1994) и С.Б. Королевой (Королева, 2014). Существуют также статьи, в которых рассматривается образ России на основе отдельных групп источников (Гелла, 2020).

Нет крупных работ, которые обращались бы непосредственно и к образу панславизма во Франции. Лишь аргентинский историк И. Адамовски (Adamovsky, 2006) вскользь затрагивает эту проблему, ограничиваясь восприятием панславизма французскими либералами в конце 1870-х гг. Эта тема не затрагивается и в классической монографии Ш. Корбе, посвященной образу России во Франции в XIX в. (Corbet, 1967). Феномен французского «славофильства», связанный с переоценкой отношения к славянскому единству, рассматривается в ряде статей (Бернар, 1998; Данилова, 2002; Hogenhuis-Seliverstoff, 2000).

4. Результаты

Поскольку именно российско-германские отношения претерпели в последней четверти XIX в. наиболее драматичные изменения, логично будет начать с образа российского панславизма в Германии. Анализ источников различных типов показывает, что представления о российском панславизме (иногда его называли «славофилией», не делая различия между этими терминами) были общими у самых различных деятелей, политических группировок и слоев общества. И в письмах имперского канцлера

О. фон Бисмарк, и в парламентских выступлениях ораторов оппозиционных партий, и в независимой прессе встречаются одни и те же тезисы с незначительными вариациями.

В глазах немцев последней четверти XIX в. российский панславизм представал могущественным общественным течением, ядром которого являлись московские интеллектуалы. В руках панславистов находилась практически вся российская пресса во главе с «Московскими ведомостями» М.Н. Каткова; у них имелись многочисленные влиятельные сторонники при дворе, в государственной бюрократии и в армии. В разное время к числу панславистов в Германии относили А.М. Горчакова, Н.П. Игнатъева, Д.А. Толстого, М.Д. Скобелева, Д.А. Милютину, М.И. Драгомирова, К.П. Победоносцева. Влияние панславистов в глазах немцев оказывалось столь значительным, что превосходило власть самого императора. В 1886 г. Бисмарк утверждал, что уже не знает, кто в России «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков» (*Bismarck, 2001: 427*). «Панславистское течение в России могущественное настолько, что даже самодержец во главе русского государства вынужден с ним считаться, – писала в том же году одна из немецких газет. – Он может пытаться руководить им и сдерживать его, временно успокаивать частичными успехами; но прямо противостоять ему он не сможет» (*Zur Entwicklung..., 1886*). Считалось, что Александр II начал войну с Османской империей в 1877 г. под влиянием панславистов; высказывались сомнения в том, что Александр III сможет совладать с этим движением. Генерал-квартирмейстер Большого генерального штаба А. фон Вальдерзее писал: под давлением панславистской общественности царь «будет вынужден плыть с потоком» (*Waldensee, 1922: 331*).

Иногда в немецкой публицистике различали несколько течений внутри панславизма (*Eckardt, 1882: 327*), но гораздо чаще его изображали в качестве единого движения. Цели этого движения заключались, по мнению немцев, в серьезном переустройстве самой России (включая русификацию национальных окраин и удаление «инородцев» с высоких постов) и формировании единой политической общности славянских народов под скипетром российского императора. «Как и нигилисты, панслависты лелеют и взращивают идею переворота; идеал и тех, и других – революция, – писала в 1886 г. «Национальная газета». – В глазах нигилистов счет должны оплатить самодержавие и общество, в глазах панславистов – заграница, неславянский мир. Нигилисты хотят устранить царя, а панслависты – сделать его волей или неволей новым Тамерланом» (*Russische Verstimmungen, 1886*).

Особое внимание германской общественности привлекала политика «русификации» остзейских губерний, проведение которой они приписывали влиянию панславистов. «Кельнская газета» писала: эта политика дестабилизирует и разрушает балтийские провинции, положение дел в которых уже «приближается к ирландскому» (*Die Zustände..., 1882*). Это, в конечном счете, наносит большой ущерб самой России. «Нам будет только выгодно, – писал Бисмарк, – если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной» (*Bismarck, 2011: 773*).

Немцы считали, что своих внешнеполитических целей панслависты хотят достигнуть военным путем и считают главными противниками Германию и Австро-Венгрию. В рамках этого образа война была для панславистов не только инструментом усиления России в Европе, но и рычагом для преобразований внутри самой империи – она должна была усилить зависимость самодержца от панславистской общественности. «С момента падения Наполеона миру в Европе не угрожает никто, кроме славифильской России», – писал Бисмарк в 1879 г. в одном из докладов императору (*Bismarck, 2008: 175*). Лидер национал-либералов Р. фон Беннигсен, выступая в 1880 г. в рейхстаге, подчеркивал, что в России растет ненависть ко всему немецкому, а «панславистское движение, требования которого ставят под вопрос всю систему государств на востоке Европы, за последние годы – до и после Восточной войны – увеличилось в масштабах и расширило свое влияние, распространившееся на те круги, куда ранее не проникало, из чего может возникнуть большая опасность для остальной Европы и для нас в частности» (*Stenografische Berichte..., 1880: 190*). Даже в официальной прессе неоднократно подчеркивалось, что панслависты полны ненависти к Германии и Австрии и систематически возбуждают такую же ненависть к западным соседям в российском обществе (*Politische Tagesfragen..., 1887*).

Термин «панславизм» нередко использовался немцами как своего рода ярлык для всех идейных и политических течений, выступавших за реформы внутри страны и против ориентации на Германию во внешней политике. При этом идеи панславистов изображались в Германии как иррациональные, нелогичные, продиктованные фанатизмом и потому губительные в конечном счете для самой России. Один из наиболее значимых германских публицистов рассматриваемого периода Ю. фон Эккардт писал: панслависты терпели неудачу каждый раз, когда им представлялась возможность воплотить свои взгляды в жизнь, их практическая деятельность неизменно заканчивалась провалом (*Eckardt, 1879: 208*). В немецкой прессе начала 1880-х гг. панславистов называли главной угрозой для Российской империи и правящей династии (*Rußland beim Tode..., 1882*).

В то же время этот иррациональный характер панславистского движения делал его еще более непредсказуемым и опасным для соседей Германии. Генерал от кавалерии В. фон Леэ, командовавший VIII армейским корпусом, писал Вальдерзее в 1886 г., что одна из двух главных

причин враждебности России к империи Гогенцоллернов – «панславизм, мечтающий о войне с германским миром»; он иррационален, поэтому с ним ничего нельзя поделать (Waldерsee, 1928: 37). «Именно панславистская партия всегда подталкивает к войне», – заявил депутат Имперской партии В. фон Кардорфф, выступая в 1890 г. в рейхстаге при обсуждении очередного военного законопроекта (Stenografische Berichte..., 1890: 105). По мнению того же Эккардта, угроза войны значительно увеличивалась благодаря неспособности «славофилов» к конструктивной деятельности: потерпев неудачу внутри страны, они могут попытаться отвлечь внимание общества, провоцируя внешнеполитические кризисы (Eckardt, 1882: 405).

Наибольшее внимание к российскому панславизму было приковано в Германии с середины 1870-х до начала 1890-х гг. Этот интерес стимулировали международные кризисы – Восточный и Болгарский. В 1890-е гг. актуальность проблемы в глазах германских наблюдателей несколько снизилась; вместо панславизма стали все чаще говорить о великорусском национализме и шовинизме. «Я не наблюдаю роста влияния панславизма. Напротив, рискну утверждать, что он отступает под натиском великорусской партии», – писал в 1891 г. германский посол в России Г.Л. фон Швейниц (Швейниц, 2024: 323).

В Великобритании образ российского панславизма также имел по большей части ярко выраженную негативную окраску. Широкое обсуждение этого феномена началось в ходе Восточного кризиса 1875–1878 гг. Можно выделить несколько вариантов или, возможно, граней образа российского панславизма в Британии: панславизм как общественное движение российского народа; как экспансионистские «амбиции» Российской империи, реализуемые и легальными методами, и с помощью «интриг»; как политика «панславистской партии»; как «революционное движение»; как национализм или «панрусизм».

В начале Восточного кризиса в британском дискурсе непродолжительное время доминировал позитивный образ панславизма как сочувствия русского народа угнетенным славянским братьям. Однако вскоре он сменился более традиционным восприятием панславизма как идейного прикрытия российской экспансии. Этот образ в той или иной степени разделялся большинством в английском обществе. Недаром английские толковые словари в последней трети XIX в. определяли панславизм как часть политики России: «идея об объединении всех славянских народов, особенно под гегемонией России» (A Standard..., 1897: 1272). Российский панславизм зачастую представлял уже не просто как движущая сила политики Петербурга, а как вечная угроза интересам Британии и вообще миру в Европе. Главными орудиями панславизма на международной арене считались интриги и пропаганда. В вышедшем в 1877 г. анонимном труде «Русские интриги» читателю сообщалось, что по всей Российской империи существует разветвленная сеть панславистских организации, которые спонсируются императорским двором и состоят в сношениях с официальными консульскими органами и аппаратом управления внешней политикой Российской империи. Более того, они распространили свое влияние за пределы государства, в особенности на территории Турции, где готовят масштабное восстание славянских народов в угоду интересам России (Russian intrigues, 1877).

Альтернативным было представление о панславизме как общественном течении, которому иногда придавались черты революционного тайного общества. Так, в 1877 г. консервативный политик Д. Вольф утверждал, что давно существует «заговор», цель которого – установить великую империю, основанную на «анархии»; панславизм связан с «преступными интригами», которые нацелены не просто на раскол целостности Турции, а на «свержение всех монархий в Европе» (Hansard..., 1877). В том же году анонимный публицист писал о российских панславистах как о революционерах, «которые ненавидят российское государство в его нынешних границах, и чей идеал – славянская конфедерация» (Panslavists..., 1877: 68).

При этом панславизм изображался достаточно мощным общественным течением, способным оказывать влияние на политику российских властей. «Очень вероятно, – писал в преддверии Русско-турецкой войны историк и либеральный политик Э. Фримен, – что сердце русского народа – а у него есть сердце – может быть настолько встревожено, что его требование станет сильнее воли царя» (Should England..., 1876). Консервативный политик Ч. Ньюдегейт в 1878 г. убеждал парламент, что войну до конца хочет вести не правительство и не царь, а «панславистская Россия», вдохновленная «всепоглощающей амбицией расы, которая мечтала о времени, когда образуется огромный союз еще больше территории нынешней Российской империи» (Hansard..., 1878).

После Берлинского конгресса 1878 г. каждый кризис на Балканском полуострове вызывал новый всплеск внимания к российскому панславизму в Британии. Обостряла внимание к панславизму и смена власти в России: новый император Александр III славился своей склонностью к «московским» идеям славянофильства, а деятели, известные своей панславистской позицией, назначались на ведущие министерские посты. Как писали в одном британском журнале в середине 1880-х гг., в России и повсюду возродилась «деятельность лидеров и деятелей движения за панславистское дело» (Austria's policy..., 1886: 24).

Тем не менее в 1880-е гг. обсуждения российского панславизма ни в британской публицистике, ни в парламенте не имели такого же накала, как во время Восточного кризиса, а в 1890-е гг. даже в прессе панславизм упоминался редко. Высказывались и мнения о том, что панславизм в России уже

изжил себя, что российское общество убедилось, что национализм и панславизм ни к чему не привели, и пребывает в скептицизме, апатии и разочаровании (Life..., 1886: 444). Восточный вопрос больше не занимал центральное место в британской внешней политике; даже во времена наибольшего накала в отношениях с Россией по вопросам Азии в конце XIX в. парламентские обсуждения уже не касались панславистской политики.

Несколько утратив свою актуальность, образ российского панславизма в Британии в последние два десятилетия XIX в. оставался сугубо негативным. Можно констатировать почти полное исчезновение образа «общественного панславизма» в его позитивной коннотации. При этом усилились два мотива, касавшиеся сущности российского панславизма. Во-первых, основным проводником или «актером» российского панславизма стала все чаще называться «панславистская партия». Во-вторых, панславизм все чаще рассматривался не в восточноевропейском или балканском контексте, а как феномен российской внутренней политики – как русский национализм или «панрусизм». Эти черты дополняли прежние образы панславизма, фактически все больше превращая его из опасного регионального движения во внутрироссийское явление.

«Панславистскую партию» связывали как с конкретными лицами (М.Н. Катковым, И.С. Аксаковым, Н.П. Игнатьевым, Победоносцевым и т.д.), так и в целом с «московским» окружением царя или с «неофициальной Россией» (Panslavist propaganda, 1882). Ее отождествляли и с «партией войны», подразумевая, что именно панслависты выступают за силовое решение вопросов на Балканском полуострове. Ряд британских наблюдателей обращали внимание на то, что панславистская партия, хоть и оппозиционна по отношению к курсу правительства и царя, остается влиятельной и поддерживается руководством страны. Отмечали, что эта партия и ее фракции могут давить на императора и таким образом определять политику России.

При этом «панславизм» все чаще отождествлялся с «панрусизмом». Широко распространилось мнение о том, что панславистские идеи не имеют реальной поддержки у славянских народов за пределами Российской империи. Как писал Дж. Минчин, путешественник и впоследствии генеральный консул Сербии в Лондоне, панславизм – «это великая русская идея, и к ней можно было бы относиться с полным уважением, если бы она ограничивалась формулой «Россия – великая страна». Но, к сожалению, у этой мысли есть продолжение: «следовательно, меньшие славянские государства должны зависеть от нее»» (Minchin, 1886: 65). Британское общество все так же с беспокойством ожидало, что панславистские идеи могут подтолкнуть Россию к более активным действиям в восточном вопросе, однако постепенно переходило к восприятию российского панславизма как национализма, который даже свои внешнеполитические заявления адресует своей внутренней аудитории.

Образ панславизма в Британии был тесно связан с негативными стереотипами о России в целом. Его изображали отсталым, грубым, ограниченным в идейном плане. Хороший пример – опубликованная в 1889 г. книга Т. Митчелла «Картины из России». Панслависты, в представлении автора, не предлагают никакой великой идеи, их «звезды» называют себя просветителями, но не имеют никакого отношения к реальному просвещению, для них характерно собственническое отношение к истории России, неспособность качественно анализировать и здраво оценивать факты из собственного прошлого (Michell, 1889: 63). Другой известный автор и издатель, Дж. Сэмюэльсон, писал о том, что российский панславизм бесплоден и не в состоянии принести ничего хорошего народам Балканского полуострова (Samuelson, 1886: 7).

Образ российского панславизма во Франции также претерпел серьезные изменения, отражая динамику франко-русских отношений в последней трети XIX в. Стоит учитывать, что поражение во Франко-германской войне 1870–1871 гг. снизило приоритет т.н. «восточного вопроса» для Парижа, исключив саму мысль о прямом противостоянии с Россией. Антагонистические отношения с Германией, обострение колониальных противоречий с Великобританией и Италией подталкивали французскую Третью республику к сближению с Российской империей, увенчавшемуся заключением в 1893–1894 гг. полноценного союза.

Все это требовало пересмотра и установок в отношении российской политики на Балканах. Отношение к российскому панславизму как к прямой угрозе французским интересам было наследием Второй империи (Бернар, 1995: 40) и успело глубоко укорениться в умах французов. В силу этого, по воспоминаниям французской писательницы Ж. Адан, мало кто во Франции желал успеха русскому оружию в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Adam, 1910: 419). Если французские государственные деятели и политики проявляли сдержанность в высказываниях, то пресса не скрывала подозрений к конечным целям Петербурга. «Московские ведомости» негодовали на «бессмысленные заботы» ведущих французских газет и журналов о сохранении целостности Османской империи: «не проходит и дня, чтобы французская печать не сказала чего-нибудь омерзительного об этом деле» (Катков, 1897: 622). Показателен пример либеральной «Journal des Debates», печатавшей в июне 1878 г. обширные выдержки из вышедшей в Париже брошюры турецкого государственного деятеля Мидхат-паши, в которой тот называл целью российского панславизма не просто «разрушение» Парижского трактата 1856 г., но и установление «мирового господства» России (Journal des Debates, 1878: 3).

Однако в 1870-х гг. во Франции появились также свои «славофилы», сочувственно относившиеся к борьбе славянских народов Балканского полуострова и Австро-Венгрии за свои права и независимость, видя в них будущих союзников Франции в схватке с «германизмом» (Leger, 1873: VII). В число «славофилов» входили как французские ученые-слависты, так и публицисты и политики, продвигавшие идею сближения с Россией на антигерманской и антибританской основе. Для них было характерно стремление придать «панславизму» новое позитивное значение «славянской солидарности», венцом которой могло стать формирование на Балканах «славянской конфедерации» вокруг Сербии и Болгарии.

Важно отметить, что «славянская конфедерация» мыслилась как альтернатива прямому российскому контролю над Балканами, «славянской империи» во главе с Россией. Любые формы российского «имперского панславизма» неизменно вызывали осуждение, поскольку представляли угрозу для европейского мира и равновесия, а также являлись сомнительным благом для самих югославянских народов. Автор многочисленных книг о «Востоке» Г. Шарм, например, утверждал, что в славянской империи «ничего не будет от Византийской, кроме как вечной альтернативы между деспотизмом и анархией» (Journal des Debates, 1883: 2). Даже открыто симпатизировавшая России Ж. Адан выражала убеждение, что Австрия и Россия пойдут по ложному пути, «став грабителями малых народов» ради гегемонии на Балканах (Lettres..., 1883: 488).

К середине 1880-х гг. образ российского панславизма во Франции стал отличаться все большей двойственностью. Исход Болгарского кризиса 1885–1887 г. ознаменовался поражением российской дипломатии и сближением Сербии, Болгарии и Румынии с австро-германским блоком. Панславизм более не казался реальной угрозой – этот мотив продолжал встречаться во французской прессе лишь в перепечатках из австрийских или немецких газет, воспроизводившихся без развернутых комментариев.

Ведущие французские газеты – «Journal des Debates», «Le Temps», «La Justice» – предпочитали делать акцент на разобщенности «панславистской партии» в России, выступавшей преимущественно в лице М.Н. Каткова и И.С. Аксакова. Последний не без симпатии рисовался химеричным, искренним и бескорыстным защитником интересов славян, «мистическим трибуном», не имевшим ни четкой доктрины, ни политической поддержки (Après le couronnement, 1883; Katkof..., 1887). Этот образ только укрепился во Франции после смерти писателя и публикации его писем (Haumant..., 1897). Аксакову противопоставлялся прагматик М.Н. Катков, главной заботой которого подавалось укрепление российского самодержавия. Распространено было представление о том, что Катков примкнул к панславистам лишь тактически и даже в чем-то извратил благородные цели панславистов-романтиков толка Аксакова (Aksakof..., 1886). Словами французского писателя А. Леруа-Болье, для Каткова «истинными славянами были только те, кто принимал русское руководство» (Leroy-Beaulieu, 1887).

Для «мейнстримных» изданий было характерно признавать популярность панславистских идей в российском обществе, но последовательно оспаривать способность того же М.Н. Каткова влиять на реальный внешнеполитический курс страны с учетом характера и темперамента Александра III. Как весьма проникательно подмечал петербургский корреспондент «Le Temps», Катков находился ровно в том же положении, что и все остальные журналисты, чиновники МИД и даже сам министр иностранных дел: «никто не может сказать, какое решение царь примет в той или иной ситуации» (Lettres de Russie, 1887).

Однако параллельно во Франции в 1880-е гг. действовало несколько немногочисленных, но шумных групп влияния вокруг Ж. Адан, П. Деруллада, Л. Мильвуа, А. Рошфора самой разной политической окраски (от монархической до социалистической), продвигавших идею союза с Россией ради будущей войны-реванша с Германией. Печатные органы этих групп («La Nouvelle revue», «Le Drapeau», «L'Intransegeant», «La Patrie», «Le Pays») предлагали позитивное восприятие т.н. «национальной партии» М.Н. Каткова и И.С. Аксакова как борцов с немецким «засильем» в России.

Для вышеназванных изданий было характерно оспаривать тезис о стремлении Петербурга к новым завоеваниям и переносить все прежние клише «русской угрозы» для Европы на Германию. Российский панславизм подавался как «навязчивый призрак» германских и австрийских политиков и публицистов, не имевший связи с реальностью (Lettres..., 1880: 202). Сторонники этого альтернативного дискурса не уставали опровергать связь «национальной партии» с панславизмом, подобно корреспонденту «Le Matin»: «принципы русских патриотов сегодня не имеют никакого панславистского оттенка и вовсе не агрессивны» (Le parti muscovite..., 1887). Они делали акцент на силе, а не слабости «национальной партии», окружая симпатии к славянам в России мистическим ореолом народной «патриотической веры». Они ставили на устойчивость позиций «национальной партии» даже после смерти Аксакова и Каткова, исходя из идейной близости с ней и самого императора Александра III (Adam, 1888: 907).

Именно этот альтернативный дискурс и взял верх во французском медийном пространстве в начале 1890-х гг. Хотя французские журналисты могли только гадать о характере договоренностей между Россией и Францией, для них с самого начала было очевидно, что за дружественными официальными жестами стоит что-то серьезное. Российский панславизм как сюжет и тем более как угроза окончательно исчезает со страниц «большой» парижской прессы. Пожалуй, лишь французские левые до последнего

держались своих позиций. Социалисты были готовы приветствовать панславизм как шаг вперед по сравнению с национализмом, но подлинным решением международных противоречий, по их мнению, мог быть только интернационализм (Matgioi, 1893). Социалистическая пресса не симпатизировала Российской империи как «темнице народов» и не верила, что Романовы были способны принести славянским народам подлинное освобождение.

5. Заключение

Образ российского панславизма приобрел ряд общих черт в сознании политиков и публицистов в Германии, Великобритании и Франции. Прежде всего, подозрительное и негативное отношение к конечным целям этого движения, способного привести к «большой войне» в Европе вне зависимости от того, трактовалось ли оно как ширма для российской внешней политики, как иррациональный общественный запрос «снизу» или интриги небольшой «партии». Общим оставалось и влияние национальных стереотипов на образ панславизма: так, мнимая иррациональность этого движения коррелировала с представлениями о русском национальном характере.

Тем не менее присутствовали и весьма существенные различия. Если в Германии во всех слоях общества существовал единый образ панславизма, резко отрицательный по своему характеру, то в Великобритании и Франции картина была более дифференцированной. Немцы считали панславизм центральной идеей российского государства и общества, и пик внимания к нему был достигнут в конце 1880-х гг., когда сам этот термин приобрел характер эвфемизма для обозначения всех негативных составляющих образа Российской империи в целом. В Великобритании, напротив, при том же преимущественно негативном отношении к российскому панславизму ему редко отводилась столь масштабная роль, а актуальность образа пошла на спад уже после восточного кризиса конца 1870-х гг. Принципиально иной была в рассматриваемый период ситуация во Франции, где прежде вполне однозначный образ российского панславизма фрагментировался, подменяясь новыми нейтральными или даже позитивными трактовками.

Эволюция образа панславизма в трех рассматриваемых странах коррелировала с динамикой отношений великих держав: деградацией российско-германских отношений, все более тесным характером российско-французских связей, а также стабильностью российско-британского соперничества в рамках «Большой игры». Во всех трех странах интерес и внимание к феномену «панславизма» практически сошли на нет к середине 1890-х гг.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Литература

- Адамова, 2023 – Адамова Н.Э. Образы российского панславизма в британских парламентских дебатах в начальный период Восточного кризиса 1870-х гг. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2023. Т. 64. № 5. С. 49-71.
- Бернар, 1998 – Бернар А. Несколько особенностей панславизма во Франции // *Славяноведение*. 1998. № 5. С. 38-43.
- Власов, 2024 – Власов Н.А. Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории // *Диалог со временем*. 2024. Вып. 86. С. 5-17.
- Власов, 2023 – Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870-1880-х гг. // *Диалог со временем*. 2023. Вып. 84. С. 297-307.
- Гелла, 2020 – Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века / «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 256-274.
- Данилова, 2002 – Данилова О.С. Французские «славянофилы» конца XIX – начала XX века // *Славянский альманах*. М.: Индрик, 2002. С. 217-233.
- Зашихин, 1994 – Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX - нач. XX в. Архангельск: Изд-во Поммеждународпедун-та, 1994. 204 с.
- Катков, 1897 – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1876 год. Москва: Тип. В. В. Чичерина, 1897. 680 с.
- Королева, 2014 – Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: DirectMedia, 2014. 313 с.
- Швейниц, 2024 – Швейниц Л.ф. При дворе Александра III. Дневник германского посла. Санкт-Петербург: Евразия, 2024. 349 с.
- Adam, 1888 – Adam J. Lettres sur la politique extérieure, 12 février 1888 // *La Nouvelle Revue*. 1888. Т. 50. P. 903-917.
- Adam, 1910 – Adam J. Mes souvenirs. T. VII. Paris: Alphonse Lemerre, 1910. 495 p.
- Adamovsky, 2006 – Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (c. 1740–1880). Bern: Peter Lang, 2006. 358 p.

- [Aksakof..., 1886](#) – Aksakof et le parti panslaviste // *La Justice*. 22.02.1886.
- [Après le couronnement, 1883](#) – Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // *Le Temps*. 26.06.1883.
- [A Standard..., 1897](#) – A Standard Dictionary of the English Language. London: Funk&Wagnalls Company, 1897. 1304 p.
- [Austria's policy..., 1886](#) – Austria's policy in the East // *Macmillan's Magazine*. 1886. Vol. 53. Pp. 17-27.
- [Bismarck, 2008](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 827 S.
- [Bismarck, 2011](#) – *Bismarck O.v.* Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. 855 S.
- [Bismarck, 2001](#) – *Bismarck O.v.* Werke in Auswahl. Bd. 7. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 807 S.
- [Corbet, 1967](#) – *Corbet Ch.* À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967. 490 p.
- [Die Zustände..., 1882](#) – Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen // *Kölnische Zeitung*. 1882. 03. Februar. No. 34. Erstes Blatt. S. 1.
- [Eckardt, 1882](#) – *Eckardt J.* Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1882. 412 S.
- [Eckardt, 1879](#) – *Eckardt J.* Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. 467 s.
- [Hansard..., 1877](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 06.02.1877. Vol. 232. Col. 522.
- [Hansard..., 1878](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 07.02.1878. Vol. 237. Col. 1275.
- [Haumant..., 1897](#) – *Haumant E.* Les chagrins d'un panslaviste // *Journal des Debates*. 24.03.1897.
- [Hogenhuis-Seliverstoff, 2000](#) – *Hogenhuis-Seliverstoff A.* Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918 // *Deutschland – Frankreich – Rußland / La France et l'Allemagne face à la Russie: Begegnungen und Konfrontationen*. Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. Ss. 71-86.
- [Journal des Debates, 1878](#) – *Journal des Debates*. 03.06.1878.
- [Journal des Debates, 1883](#) – *Journal des Debates*. 22.09.1883.
- [Katkof..., 1887](#) – Katkof, ennemi mortel de la France // *La Justice*. 27.08.1887.
- [Kohn, 1960](#) – *Kohn H.* Pan-Slavism. Its history and Ideology. New York: Vintage Books, 1960. 468 p.
- [Kopelew, 2000](#) – *Kopelew L.* Am Vorabend des großen Krieges / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 11-109.
- [Lammich, 1978](#) – *Lammich M.* Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichs-gründung. Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. 298 s.
- [Leger, 1873](#) – *Leger L.* Le monde slave: voyages et littérature. Paris: Didier et Cie, 1873. 333 p.
- [Leroy-Beaulieu..., 1887](#) – Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.
- [Lettres..., 1880](#) – Lettres sur la politique extérieure // *La Nouvelle Revue*. 1880. T. 7. Pp. 197-218.
- [Lettres..., 1883](#) – Lettres sur la politique extérieure // *La Nouvelle Revue*. 1883. Tome 22. P. 483-493.
- [Lettres de Russie, 1887](#) – Lettres de Russie // *Le Temps*. 16.02.1887.
- [Life..., 1886](#) – Life and thought in Russia // *The Contemporary Review*. 1886. Vol. 50. Pp. 438-447.
- [Matgioi, 1893](#) – *Matgioi [Puyou de Pouvourville E-A.]*. L'idée de Patrie en Asie orientale // *La Revue socialiste*. T. 18. N. 103. 1893. Pp. 22-39.
- [Michell, 1889](#) – *Michell T.C.B.* Russian pictures: drawn with pen and pencil. London: The Religious Track Society, 1889. 224 p.
- [Minchin, 1886](#) – *Minchin J.G.C.* The growth of freedom in the Balkan peninsula: Notes of a traveller in Montenegro, Bosnia, Servia, Bulgaria, and Greece. London: J. Murray, 1886. 448 p.
- [Panslavist propaganda, 1882](#) – Panslavist propaganda // *The Daily Telegraph*. 06.02.1882. P. 5.
- [Panslavists..., 1887](#) – Panslavists and the Slav Committes // *Macmillan's Magazine*. 1877. Vol. 37. Pp. 68-73.
- [Le parti muscovite..., 1887](#) – Le parti muscovite et le panslavisme // *Le Matin*, 22.02.1887.
- [Politische Tagesfragen, 1887](#) – Politische Tagesfragen // *Neueste Mittheilungen*. 1887. 10. Mai. No. 49. S. 3.
- [Russian Intrigues..., 1877](#) – Russian intrigues. Secret despatches of general Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies. London: W. Ridgway, 1877. 69 p.
- [Russische Verstimmungen, 1886](#) – Russische Verstimmungen // *National-Zeitung*. 1886. 15. August. No. 477. S. 1.
- [Rußland beim Tode..., 1882](#) – Rußland beim Tode Skobelew's // *National-Zeitung*. 1882. 12. Juli. No. 320. S. 1.
- [Samuelson, 1886](#) – *Samuelson J.* Shall Russian treachery win the day? An appeal to Englishmen. London: Trübner & Co., 1886. 14 p.
- [Schreier, 2012](#) – *Schreier M.* Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE, 2012. 272 p.

- [Schröder, 2010](#) – Schröder H.H. „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild // *Osteuropa*. 2010. Bd. 60. No. 10. S. 83-100.
- [Should England..., 1876](#) – Should England fight Russia // *The Northern Echo*. 1876. July 31. P. 3.
- [Stenografische Berichte..., 1880](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislatur-Periode. III. Session 1880. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1880. 686 p.
- [Stenografische Berichte..., 1890](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. VIII. Legislatur-Periode. I. Session 1890/91. Bd. 1. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1890. 766 p.
- [Vlasov, 2020](#) – Vlasov N.A. The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2720-2728.
- [Waldersee, 1928](#) – Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart – Berlin – Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1928. 446 p.
- [Waldersee, 1922](#) – Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart – Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. 423 s.
- [Zur Entwicklung..., 1886](#) – Zur Entwicklung der bulgarischen Frage // *National-Zeitung*. 1886. 23. September. No. 545. S. 1.

References

- [Adam, 1888](#) – Adam, J. (1888). Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 50: 903-917.
- [Adam, 1910](#) – Adam, J. (1910). Mes souvenirs. T. VII. Paris.
- [Adamovsky, 2006](#) – Adamovsky, E. (2006). Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (c. 1740–1880). Bern.
- [Aksakof..., 1886](#) – Aksakof et le parti panslaviste (1886). *La Justice*. 22.02.
- [Après le couronnement, 1883](#) – Après le couronnement (de notre correspondant spécial) 1883. *Le Temps*. 26.06.
- [A Standard..., 1897](#) – A Standard Dictionary of the English Language. London, 1897.
- [Adamova, 2023](#) – Adamova, N.E. (2023). Obrazy rossijskogo panslavizma v britanskijh parlamentskijh debatah v nachal'nyj period Vostochnogo krizisa 1870-h gg. [Perception of Russian Panslavism in the British parliamentary debates in the beginning of the Eastern crisis of the 1870s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija*. 64 (5): 49-71. [in Russian]
- [Bernard, 1998](#) – Bernard, A. (1998). Neskol'ko osobennostej panslavizma vo Francii [Several features of Pan-Slavism in France]. *Slavyanovedenie*. 5: 38-43. [in Russian]
- [Corbet, 1967](#) – Corbet, Ch. (1967). À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris.
- [Danilova, 2002](#) – Danilova, O.S. (2002). Francuzskie «slavyanofily» konca XIX – nachala XX veka [French "Slavophiles" of the late XIX – early XX century]. *Slavyanskij al'manah*. 217-233. [in Russian]
- [Gella, 2020](#) – Gella, T.N. (2020). Obraz Rossii v politicheskoj ritorike britanskijh parlamentariev v period Vostochnogo krizisa 70-h godov XIX veka [The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern Crisis of the 70s of the XIX century]. «Svoi» i «Drugie»: vzaimodejstvie i vosprijatie kul'tur Zapada i Rossii. ["Own" and "Others": interaction and perception of cultures of the West and Russia]. Saint-Petersburg. 256-274. [in Russian]
- [Hansard..., 1877](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 1877. 232: 522.
- [Hansard..., 1878](#) – Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. House of Commons. 1878. 237: 1275.
- [Haumant..., 1897](#) – Haumant, E. (1897). Les chagrins d'un panslaviste. *Journal des Debates*. 24.03.
- [Hogenhuis-Seliverstoff, 2000](#) – Hogenhuis-Seliverstoff, A. (2000). Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918. *Deutschland – Frankreich – Rußland / La France et l'Allemagne face à la Russie: Begegnungen und Konfrontationen*. Boston. Pp. 71-86.
- [Journal des Debates, 1878](#) – *Journal des Debates*. 03.06.1878.
- [Journal des Debates, 1883](#) – *Journal des Debates*. 22.09.1883.
- [Katkof..., 1887](#) – Katkof, ennemi mortel de la France (1887). *La Justice*. 27.08.
- [Katkov, 1897](#) – Katkov, M.N. (1897). Sobranie peredovyh statej Moskovskijh vedomostej, 1876 [Collection of leading articles of the Moscow Gazette, 1876]. Moscow. [in Russian]
- [Kohn, 1960](#) – Kohn, H. (1960). Pan-Slavism. Its history and Ideology. New York.
- [Koroleva, 2014](#) – Koroleva, S.B. (2014). Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-h godov) [The myth of Russia in British culture and literature (before the 1920s)]. Moscow. [in Russian]
- [Kopelew, 2000](#) – Kopelew, L. (2020). Am Vorabend des großen Krieges. *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München. 11-109.
- [Lammich, 1978](#) – Lammich, M. (1978). Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. Boppard am Rhein.
- [Leger, 1873](#) – Leger, L. (1873). Le monde slave: voyages et littérature. Paris, 1873.
- [Leroy-Beaulieu..., 1887](#) – Leroy-Beaulieu, A. (1887). Katkoff. *Journal des Debates*. 06.08.

- [Lettres..., 1880](#) – Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 1880. 7: 197-218.
- [Lettres..., 1883](#) – Lettres sur la politique extérieure. *La Nouvelle Revue*. 1883. 22: 483-493.
- [Lettres de Russie, 1887](#) – Lettres de Russie. *Le Temps*. 1887. 16.02.
- [Life..., 1886](#) – Life and thought in Russia. *The Contemporary Review*. 1886. 50: 438-447.
- [Matgioi, 1893](#) – *Matgioi* [Puyou de Pouvoirville E-A.] L'idée de Patrie en Asie orientale. *La Revue socialiste*. 1893. 103: 22-39.
- [Michell, 1889](#) – *Michell, T.C.B.* (1889). Russian pictures: drawn with pen and pencil. London.
- [Minchin, 1886](#) – *Minchin, J.G.C.* (1886). The growth of freedom in the Balkan peninsula: Notes of a traveller in Montenegro, Bosnia, Servia, Bulgaria, and Greece. London.
- [Panslavist propaganda, 1882](#) – Panslavist propaganda. *The Daily Telegraph*. 1882. 06.02.: 5.
- [Panslavists..., 1887](#) – Panslavists and the Slav Committees (1877). *Macmillan's Magazine*. 37: 68-73.
- [Le parti muscovite..., 1887](#) – Le parti muscovite et le panslavisme (1887). *Le Matin*. 22.02.
- [Politische Tagesfragen, 1887](#) – Politische Tagesfragen (1887). *Neueste Mittheilungen*. 10.05. 49: 3.
- [Russian Intrigues..., 1877](#) – Russian intrigues. Secret despatches of general Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies. London, 1877.
- [Russische Verstimmungen, 1886](#) – Russische Verstimmungen (1886). *National-Zeitung*. 15.08. 477: 1.
- [Rußland beim Tode..., 1882](#) – Rußland beim Tode Skobelew's (1882). *National-Zeitung*. 12.07. 320: 1.
- [Samuelson, 1886](#) – *Samuelson, J.* (1886). Shall Russian treachery win the day? An appeal to Englishmen. London.
- [Schreier, 2012](#) – *Schreier, M.* (2012). Qualitative Content Analysis in Practice. London.
- [Schröder, 2010](#) – *Schröder, H.H.* (2010). „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild. *Osteuropa*. 60 (10): 83-100.
- [Schweinitz, 2024](#) – *Schweinitz, L.v.* (2024). Pri dvore Aleksandra III. Dnevnik germanskogo posla [At the court of Alexander III. The diary of the German ambassador]. Saint-Petersburg. [in Russian]
- [Should England..., 1876](#) – Should England fight Russia (1876). *The Northern Echo*. 31.07: 3.
- [Stenografische Berichte..., 1880](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1880) 4. Legislatur-Periode. III. Session. Bd. 1. Berlin.
- [Stenografische Berichte..., 1890](#) – Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1890) VIII. Legislatur-Periode. I. Session. Bd. 1. Berlin.
- [Vlasov, 2024](#) – *Vlasov, N.A.* (2024). Metodologija «obosnovanoj teorii» kak instrument issledovanija intellektual'noj istorii [The Grounded Theory methodology as a research tool in intellectual history]. *Dialog so vremenem*. 86: 5-17. [in Russian]
- [Vlasov, 2023](#) – *Vlasov, N.A.* (2023). Obraz rossijskogo panslavizma u germanskoj voenno-politicheskoj jelity 1870-1880-h gg. [The image of Russian Pan-Slavism in German military-political leadership of 1870s and 1880s]. *Dialog so vremenem*. 84: 297-307. [in Russian]
- [Vlasov, 2020](#) – *Vlasov, N.A.* (2020). The Image of Russia in Otto von Bismarck's Mind. *Bylye Gody*. 58(4): 2720-2728.
- [Waldersee, 1928](#) – *Waldersee, A.v.* (1928). Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart – Berlin – Leipzig.
- [Waldersee, 1922](#) – *Waldersee, A.v.* (1922). Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart – Berlin.
- [Zashikhin, 1994](#) – *Zashikhin, A.N.* (1994). «Gljadja iz Londona»: Rossija v obshhestvennoj mysli Britanii. Vtoraja polovina XIX - nach. XX v. [“Looking from London”: Russia in British public thought. The second half of the XIXth – beginning of the XXth century]. Arkhangelsk. [in Russian]
- [Zur Entwicklung..., 1886](#) – Zur Entwicklung der bulgarischen Frage (1886). *National-Zeitung*. 23.09. 545: 1.

Образ российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции в конце XIX века

Николай Анатольевич Власов ^{a, *}, Андрей Владимирович Бодров ^a, Нина Эдуардовна Адамова ^a, Ольга Владимировна Смирнова ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Реконструкция образа российского панславизма в странах Западной Европы в конце XIX в. имеет немаловажное значение, поскольку приближает к пониманию восприятия России и российской политики крупнейшими европейскими державами. В статье предлагается сравнительный анализ образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции, цель которого –

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: n.vlasov@spbu.ru (Н.А. Власов)

выявление общих черт и различий, позволяющих установить наличие или отсутствие корреляции между характером данного образа в конкретной стране и траекторией ее отношений с Россией в рассматриваемый период. Анализ проводится на основе широкого круга источников: дневников и переписки представителей политико-дипломатической и военной элиты, материалах парламентских дебатов, газетной и журнальной публицистики, художественной и публицистической литературы.

Главной общей чертой восприятия образа российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции стало негативное отношение к конечным целям этого движения, способного привести к «большой войне» в Европе вне зависимости от того, трактовалось ли оно как благовидное прикрытие для экспансии Российской империи, как иррациональный общественный запрос «снизу» или интриги небольшой «партии». Однако если в Германии термин «панславизм» приобретал все более широкий смысл ярлыка для обозначения противников Германии в России, во Франции, напротив, прежде вполне однозначный образ российского панславизма фрагментировался, подменяясь новыми нейтральными или даже позитивными трактовками. Эволюция образа коррелировала с динамикой отношений великих держав: деградацией российско-германских отношений, все более тесным характером российско-французских связей, а также стабильностью российско-британского соперничества в рамках «Большой игры». Во всех трех странах интерес и внимание к феномену «панславизма» практически сошли на нет к концу 1880-х гг.

Ключевые слова: панславизм, образ России, международные отношения XIX века, национальные стереотипы.